

Прошли века, минули циклы перерождений, и в бесконечном ожидании гул насекомых наконец нашел своего Короля.

Сознание вновь прояснилось, дремота отступила, словно отлив. Когда Гу Ци открыл глаза, он снова увидел ту же знакомую картину.

В отличие от прошлого раза, зрение стало четче, а цвета — ярче. Оболочка, укрывавшая его вместе с теплой жидкостью, истончилась настолько, что сквозь розовато-белую плоть можно было разглядеть то, что находилось снаружи.

Это была изрезанная пещера с сизо-серыми стенами, покрытыми густым ковром мха. В темном пространстве царила неестественная тишина. В конце тропинки, усыпанной мелким гравием, виднелся выход, за которым угадывалось глубокое синее небо и мерцающие звезды.

Вселенная была настолько огромной, что Гу Ци, будучи человеком, не мог себе этого даже представить. И теперь, став новорожденной Матерью Насекомых, он всё еще не мог объять её масштабы.

В памяти Гу Ци, сохранившейся со времен учебы в военной академии, отношения Империи Мэнма и Высших насекомых никогда не были близкими, но и до открытой войны или перестрелок дело не доходило. Если описывать их одним словом, то это было взаимное невмешательство и холодное равнодушие. Поэтому на территории Империи Мэнма насекомых почти не встречали, зато изредка можно было увидеть русалок из звездного сектора Момейд.

В учебниках Гу Ци видел только полностью трансформировавшихся особей. По сравнению с альфами — элитой человечества по физическим и ментальным показателям — они были существами совершенно иного порядка. Полностью перевоплощенное насекомое достигало десяти метров в высоту, а то и больше. Человеку-альфе требовалась поддержка меха, чтобы хоть как-то вступить в бой. Разница была очевидна: Гу Ци понимал, что в лапах такого существа он не продержится и раунда.

Да какой там раунд — его раздавили бы в лепешку одним движением.

Беззвучный вздох вырвался из груди юноши, и в воде лопнули крошечные пузырьки, пустив по поверхности рябь.

Гу Ци никогда не был из тех, кто смиренно ждет гибели. Он напряг ослабевшее тело и ударился о, казалось бы, тонкую и хрупкую оболочку яйца, но тут же был отброшен назад ответной силой. Его розоватый хвост дрогнул, свернувшись в полумесяц.

Взгляд Гу Ци был тяжелым, словно хвост кометы, прорезавший серый мрак.

Слишком устал. Это тело до смешного слабое!

Гу Ци невольно проворчал про себя, вспомнив изнурительные тренировки в академии, когда приходилось вставать до рассвета и валиться с ног от усталости.

Но теперь не о чем беспокоиться, ведь у него больше ничего не осталось.

Хотя удар был отбит, яйцо будто понимало, что его миссия — защитить хрупкую новорожденную Мать. Водная среда поглотила давление, мягко подхватив юношу за поясницу и бедра, и плавно опустила обратно на дно.

После нескольких секунд уныния хрупкая Мать, не желая сдаваться, снова поднялась. Поднял руку, накопил силы, удар. Снова поднял, накопил силы, удар... Он не знал, какой по счету раз повторял это, но на оболочке начали расползаться крошечные трещины.

Человек внутри яйца еще не выбрался. Что ж, если суждено погибнуть — пусть будет так. Ведь прекрасное всегда вызывает желание обладать им, а вид колючей розы лишь распаляет желание сорвать её, чтобы безжалостно обнажить шипы и коснуться нежных лепестков.

Только вот эта роза сейчас была похожа на переевший, раздувшийся серп луны.

Гу Ци пребывал в полузабытьи, невольно вспоминая далекое прошлое: захудалую планету третьего порядка, сумасбродного опекуна, хаотичные кварталы, приливы и отливы синей воды, разряженный аккумулятор робота А02, доброго дедушку Чарли, монетки, что грели ладонь, и ту библиотеку, которую спонсировал господин Белая Птица...

Яйцо в пещере слегка покачнулось. Этот результат стал для Гу Ци стимулом. Он забыл об онемении в теле и хвосте, повторяя попытки снова и снова. Новорожденная кожа Матери была пугающе нежной, и, несмотря на защиту водной среды, от частых ударов на руках Гу Ци проступили синяки.

Словно пара огромных ладоней, готовых его подхватить.

Выцветшие воспоминания вновь окрасились красками. Больше всего Гу Ци запомнились детская нищета и панический страх быть брошенным.

Прекрасная Мать издала из горла тихое урчание. Переживший смерть и сменивший вид юноша лениво потянулся внутри яйца, отгоняя прочь сентиментальность. Даже в самые тяжелые времена он умел жить со вкусом — в конце концов, на планетах третьего порядка никогда не было недостатка в беспризорниках, и долгое время Гу Ци выживал именно так, сохраняя свою свободу.

Это шанс!

Но удача не бывает вечной. Когда он, подобно тому самому господину Белая Птица, добрался

до планеты первого порядка, то понял, что пропасть между людьми подобна бездне. Коллючая белая роза из трущоб в кругу аристократов превратилась в канарейку в золотой клетке — за ней наблюдали, её презирали, ожидая, когда же она окажется в ловушке. И только кулаки могли хоть как-то защитить его.

Если бы не убийственная аура насекомых, подгонявшая его, в какой-то момент Гу Ци даже захотел бы просто сдаться.

Гу Ци нахмурился и, собрав последние силы, ударил рукой в наиболее прозрачный участок оболочки.

Запертая Мать с раздражением дернула прядями черных волос, плавающими в воде. Он свернулся калачиком, перевернулся, чувствуя, как тепло оmyвает тело, и вновь попытался разорвать оковы.

К счастью, ему всегда везло. Он прошел через тернии, покинул родной дом, где было столько хорошего и плохого, встретил добрых людей...

Наконец — щелк.

Он должен выбраться, прежде чем его найдут другие насекомые.

Оболочка, державшая Гу Ци в плену, разлетелась вдребезги. Теплая вода хлынула наружу, и его выбросило на землю. Острые камни в пещере вонзились в кожу рук, живота и бедер, оставляя глубокие красные полосы.

— Ху... ху...

Гу Ци стер жидкость с лица. Воздух, ворвавшийся в легкие, показался чуждым, от непривычного кислорода заныл мозг. Только после нескольких глубоких вдохов он пришел в себя, хотя слабость в нижней части тела заставила его испугаться, что он парализован.

Дело было не в нем, а в хвосте.

Почти всё тело, кроме рук, отказывалось слушаться. Гу Ци, волоча тяжелый хвост, перевернулся. Он не обращал внимания на ссадины — его новорожденный хвост был таким нежным, что от любого движения на нем появлялись новые кровавые следы. Боль была невыносимой, но Гу Ци не проронил ни звука, пока, опираясь на руки, не прислонился к каменной стене.

Снаружи было не так холодно, как он думал, земля под ним даже излучала тепло.

Теперь пейзаж за пределами пещеры стал отчетливее: гряды гор, уходящие вдаль, окутанные тонкой дымкой — то ли туманом, то ли дымом. В лесу летали птицы, их щебет был слышен даже издалека.

Гу Ци нахмурился, погрузившись в раздумья.

Когда в лесу снова раздался пронзительный птичий крик, тени деревьев сгустились, и небо начало темнеть. Черноволосая Мать отвела взгляд и начала осматривать свое тело в пространстве, уже не ограниченном водой.

— Черт, никакой одежды...

Хотя здесь никого не было, находиться нагишом было неловко. Вспомнив прохладу воды, он невольно поежился. Его кожа, бледная, местами розоватая, казалась невероятно хрупкой.

Потрясши головой, Гу Ци машинально коснулся запястья, но, почувствовав пустоту, тут же вспомнил о своем положении. Пальцы беспокойно заскребли кожу. В этот момент из пещеры послышался шорох. Гу Ци затаил дыхание, в его темных глазах мелькнула настороженность. Он замер, ожидая появления неизвестного существа.

Звук трения становился все ближе. В тусклом свете у входа в пещеру показались силуэты: направленные в небо усики, выгнутые спины, сложенные крылья, панцири, похожие на железные доспехи, медные фасеточные глаза...

Это были низшие насекомоподобные. В отличие от Высших, они не могли принимать человеческий облик и находились на самом дне иерархии.

Они сохраняли форму насекомых, хотя и могли передвигаться вертикально. Они были способны на примитивное мышление, но были исключены из ментальной связи Высших. Жестокие, свирепые, словно машины для убийства, они никогда не тратили время на раздумья. Смешанная кровь, хаотичное происхождение — они могли служить лишь чистокровным аристократам.

Одинокий человек, встретивший в дикой природе низших насекомых, был подобен кролику, столкнувшемуся с тигром.

А Гу Ци сейчас и был тем самым кроликом.

Слабым, беззащитным, легкой добычей.

В этот миг Гу Ци охватило напряжение. Несмотря на то, что он помнил о своем статусе Матери, исходящая от Высших жажда убийства не позволяла ему довериться этим существам, с которыми, казалось, невозможно было договориться.

Низшие насекомые дымчато-серого и землисто-коричневого цвета двигались целенаправленно. Почувствовав рождение Матери, они, не останавливаясь, пробирались сквозь леса и реки. Их конечности были облеплены сухой травой и зловонной грязью.

Тяжелые тени приближались. Гу Ци, поджав хвост, отполз назад. На его нежной коже, едва вылупившейся, уже красовались кровавые следы, которые становились глубже от каждого движения.

Внезапно одна из теней резко выдвинулась вперед. Золотистый пух, подобный лучам заката, сверкнул, и острая, как гильотина, конечность насекомого с лязгом опустилась прямо над головой Гу Ци.

Хлоп!

Гу Ци оцепенел, глядя на грозную лапу, застывшую в ладони от него. Огромная, мощная, покрытая густым желто-коричневым пушком, который тянулся от конечностей вверх, цепляя травинки и комья грязи. Раздалось мерное жужжание. Края полупрозрачных крыльев, очерченные четкими линиями, напоминали старинную живопись.

Жу-жу-жу.

Дрожащие крылья создавали иллюзию размытости. Потоки воздуха обдували слипшиеся пряди волос новорожденной Матери. В пещере воцарилась тишина.

Это была пчела.

Черноволосый юноша свернул кончик своего нежно-розового хвоста. Ближайшая к нему пчела, возвышаясь над ним, слегка сложила крылья и, двигаясь еще тише, приблизилась, выставив переднюю лапу, словно опору.

Гу Ци поднял голову.

Овальные фасеточные глаза пчелы имели холодный, механический оттенок. Челюсти-жвалы были плотно сжаты. Пушистый воротник, возможно, мог бы смягчить страх перед гигантским насекомым, но при такой разнице в размерах Гу Ци не смел шелохнуться, лишь настороженно глядя на лапу, протянутую прямо перед ним.

Пушок шевельнулся. Хозяин конечности слегка наклонил голову, что почему-то напомнило Гу Ци бродячую собаку, ждущую подачку. Конечно, это была гигантская собака, способная проглотить человека целиком.

— Ты... — нерешительно произнес он.

Фасеточные глаза пчелы тут же задвигались. В каждой из сотен крошечных шестигранных линз отражался нагой Гу Ци.

Он увидел себя: бледный, липкий, мокрый.

Черты лица, казалось, остались прежними, но в них появилось что-то нечеловеческое, пугающее. С первого взгляда и не скажешь, что это тот же самый человек.

Гу Ци моргнул и промолчал.

Пчела, явно занимавшая положение лидера, преградила путь остальным низшим насекомым, и нагая Мать оказалась в тени своего защитника. Гу Ци не понимал их намерений, но врожденная дерзость, подталкиваемая инстинктом выживания, заставила его сделать выбор. Он решил рискнуть — другого выхода всё равно не было.

Бледная тонкая рука легла на пушистую лапу пчелы. Пушок оказался неожиданно мягким, словно мех соболя, который так ценили аристократы.

На тыльной стороне ладони юноши проступили тонкие синие вены. Он напрягся, и пчела медленно и плавно подняла лапу, помогая Гу Ци, который не мог встать из-за хвоста, подняться. Хотя он висел, ухватившись за конечность, словно делая подтягивание, для Гу Ци это была первая победа. Пусть его тело было мягким, как лапша, но он наконец-то поднялся с колючего гравия.

Низшие насекомые оказались куда заботливее, чем он думал. У новорожденной Матери было мало сил, поэтому пчела протянула среднюю лапу, и мягкий пух, словно дорогой мебельный чехол, коснулся его бедер. Гу Ци, перестав сжимать переднюю лапу, с облегчением опустил на эту импровизированную опору.

Его хвост, раненный о камни, словно ребенок, жалующийся родителю, кончиком загнулся вверх, напоминая свежий росток.

Убедившись, что пчела — «своя», Гу Ци немного расслабился. Во время учебы в академии он участвовал в симуляциях диких полей, и тамошние звери были не менее опасны, чем гигантские насекомые, так что его порог принятия был довольно высок.

Теперь, в сравнении с суровой реальностью, низшее насекомое казалось ему дружелюбным и почти милым, а его усики — очаровательными. Даже фасеточные глаза, в которых отражались сотни его собственных лиц, казались блестящими и привлекательными.

Отлично! Кажется, этот поворот событий сулит больше пользы, чем вреда.

Подумал он про себя.

Гу Ци погладил пушистый «воротник» пчелы. Та не возражала, напротив, послушно, словно котенок, подставила голову под его руку.

Слишком уж дружелюбно.

— Только Высшие хотят меня убить?.. — Гу Ци нахмурился, вглядываясь в калейдоскоп фасеточных глаз. Внезапно он обнял голову пчелы, прижавшись изящным лицом к её голове, а волосами — к основанию усиков.

Это была странная, гротескная картина: прекрасный юноша и гигантская пчела в почти любовных объятиях.

Бледные пальцы гладили желто-коричневую голову, нежный розовый хвост покоился на пушистой лапе. Гудящий звук стал фоном для этой завершенной композиции.

В фасеточных глазах пчелы Гу Ци видел сотни своих отражений.

Он спросил: — Я — Мать Насекомых, и вы склонитесь передо мной — верно? — голос был нежен, словно лоза, прорастающая сквозь почву, медленно и беззвучно обвивающая тело пчелы. Это было мягче удавки и соблазнительнее повилики.

Тон, достойный мастера манипуляций. Чтобы выжить, Гу Ци очень быстро вжился в новую роль.

Жужжание на мгновение стихло. Пчела замерла в воздухе. Остальные насекомые в пещере стали фоном, ожидая приказа Матери или команды своего лидера.

Большинство людей считало низших насекомых марионетками. Они могли обладать интеллектом, но крайне низким, и единственное, что стоило учитывать — это их грубая сила. Но в тот момент, когда пчела протянула лапу, Гу Ци изменил свое мнение. Он попытался говорить с ней как с равной.

Он чувствовал, что она понимает.

Он сказал: — Ты будешь послушной? — Ты склонишься передо мной?

Он был Матерью, и ему нужно было их подчинение.

— Жу-жу-жу.

К облегчению Гу Ци, пчела медленно и решительно (возможно, это было лишь его

воображение) кивнула.

Их подчинение и преданность были предопределены с того самого момента, как они ступили на путь поиска Матери.

— Неси меня наружу, я хочу посмотреть.

Частота взмахов крыльев увеличилась. Пчела, аккуратно поддерживая его, плавно вылетела из пещеры, а остальные низшие насекомые последовали за ними, соблюдая дистанцию, как верные рыцари, охраняющие принцессу.

Снаружи уже опустилась ночь, но полная луна светила так ярко, что даже в пещере было светло.

Сидя на лапе пчелы, он смотрел на мир.

Как он и предполагал, горные цепи даже ночью были окутаны дымкой — это был не туман, а дым, извергаемый из горных расщелин. А в лесу, несмотря на глубокую ночь, кипела жизнь, словно на вечеринке.

В глазах Гу Ци назревали тяжелые мысли, предчувствие приближающейся бури. В следующий миг пушистый «воротник» коснулся его шеи. Гу Ци вздрогнул и, повернув голову, встретился взглядом с сотнями своих отражений в овальных глазах.

Пчела внезапно приблизила свою голову...

<http://bllate.org/book/21239/2148735>